

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 5-го Августа 1912 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10916.

Mondanite.^{*)}

I.

Мой отецъ всегда смотрѣлъ на меня, какъ на большого негодяя. Я думаю, что такой взглядъ у него установился еще въ то время, когда я только началъ ходить и съ первыхъ же шаговъ разбилъ у настъ въ залѣ великолѣпную терракотовую статуэтку.

Впрочемъ, во всемъ этомъ я не считаю себя виновнымъ. Мой отецъ—человѣкъ знатнаго происхожденія, большого капитала, тонкаго общества и виднаго положенія. И вся вина лежитъ на немъ, потому что онъ и меня рѣшилъ сотворить по свсему образу и подобію.

Я же къ этому совершенно не гордился. Французскій языкъ я ненавидѣлъ и систематически сжигалъ учебники. Тогда меня жестоко пороли, и послѣ порки я неизмѣнно убѣгалъ въ дворникую и курилъ съ дворникомъ

махорку. Словомъ, отеческое попеченіе толкало меня на новые проступки.

Къ танцамъ я оказался совершенно неспособенъ, граціозные поклоны у меня походили на судорогу, хорошія манеры мнѣ не прививались, а за обѣдомъ, напримѣръ, я всегда питался жадно, быстро и совершенно не понималъ, какъ это проголодавшіеся люди могутъ соблюдать сложные этикеты по отношенію къ своимъ ногамъ и вилкамъ, мясу и рыбѣ.

— Уведите этого негодяя,—кричалъ иногда отецъ.

— Въ кого онъ уродился, вздыхала матеръ, прикладывая къ глазамъ ароматный платокъ.

— Я, конечно, уходилъ, но уходилъ, злой, въ дѣтской тотчасъ совершающей какую-нибудь гадость: или разбивалъ оконное стекло, или перочиннымъ ножемъ разрѣзalъ подушку.

Въ домѣ отслужили молебенъ, когда я поступилъ въ гимназію. До пятаго класса все шло благополучно, если не считать самыхъ обычныхъ вещей, нѣсколькихъ товарищескихъ по-

поекъ, десятка хорошихъ дракъ, одного случая оставленія на второй годъ и одного крупнаго разговора съ инспекторомъ на танцевальномъ вечерѣ. Что дѣлать, я больше науки любиль бродить по садамъ и рощамъ, просиживать въ порту часами и читать книги по собственному выбору, а изъ меня мечтали сдѣлать свѣтскаго человѣка и общественного дѣятеля.

Въ пятомъ классѣ я поссорился съ отцомъ послѣ одного крупнаго разговора. Содержаніе его сводится къ нѣсколькимъ фразамъ.

— Отецъ: я выбью дурь изъ твоей головы. Я сдѣлаю тебя человѣкомъ, и ты самъ будешь благодарить меня.

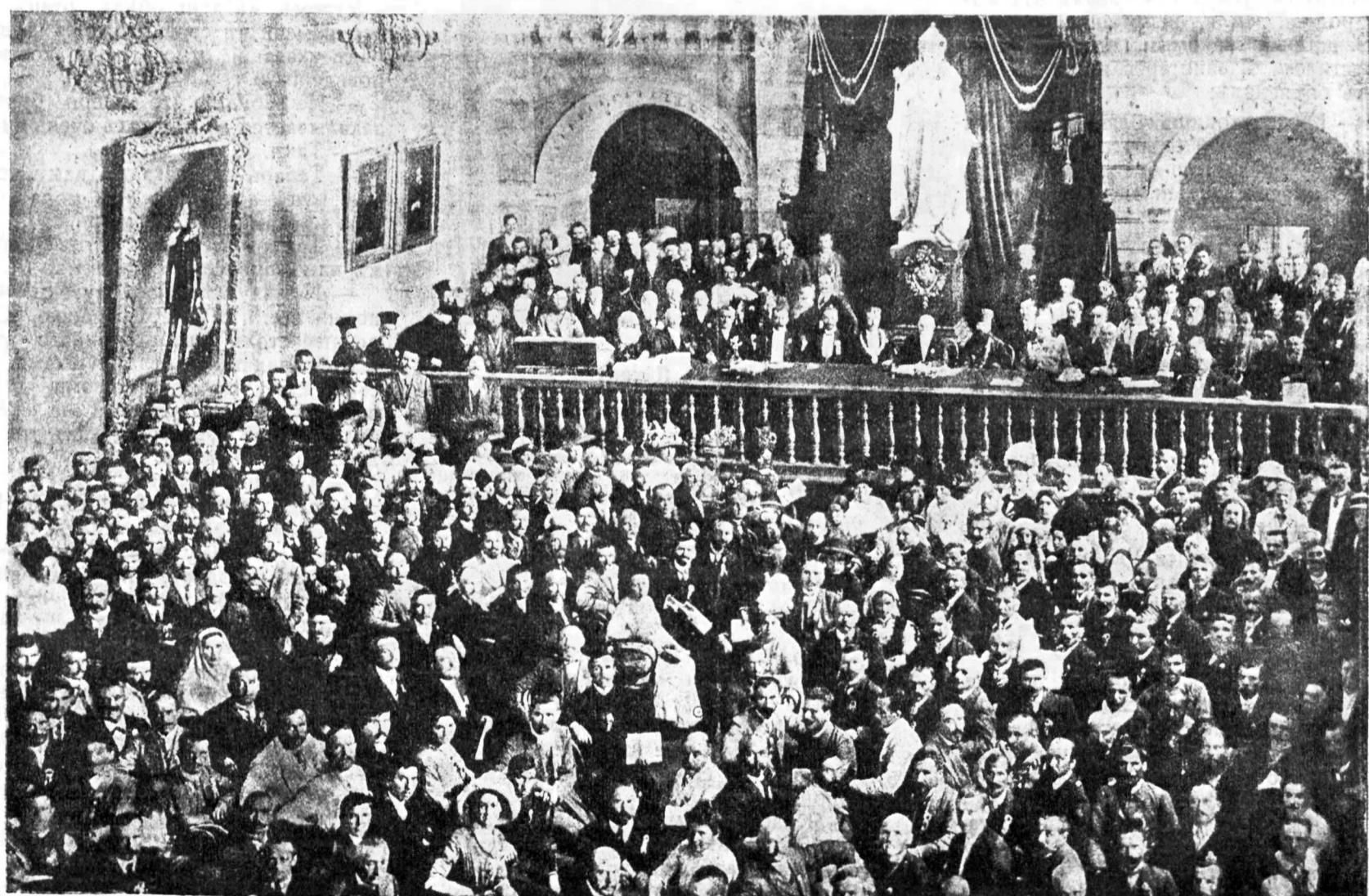
Я: Подъ человѣкомъ вы подразумѣваете что-нибудь подобное начальнику нашей таможни или сыну городского головы?

Отецъ: Не смѣй такъ говорить со мной, мальчишка!

Я: Манекеномъ быть не желаю и останусь самимъ собой.

Послѣ этого я продалъ татарину свою новую шубу, купилъ револь-

3-й ВСЕСЛАВЯНСКІЙ СЪЕЗДЪ ПЧЕЛОВОДОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

Торжественное открытие съезда 25 июля, въ залѣ городской думы.

Въ центрѣ—городской голова, Н. И. Гучковъ, московскій губернаторъ В. О. Джунковскій, преосвященный Анастасій и президіумъ съезда. По бокамъ—болгарские и сербскіе священники, члены съезда.

верь и покушался на самоубийство. Меня выгнали из гимназии, а дома обрушились съ мучительными поучениями. Понять своего изгнания я до сихъ поръ не могу. Кажется, доброе начальство должно было только сбрасоваться, что я остался живъ, и окружить меня снисходительнымъ вниманиемъ, а вышло наоборотъ.

Но печальное положеніе скоро было исправлено. Пять соѣдніхъ городовъ, имѣвшихъ гимназии, стали оспаривать право обладанія такимъ скроющимъ, какъ я, и прислали моему отцу свои условія. Однако, какъ и всегда, вмѣсто исправленія моего создалась только новая драма.

Въ восьмомъ классѣ я влѣбился въ одну гимназистку, дочь бѣлыхъ и простыхъ родителей. Лишнее говорить, что мой отецъ пришелъ въ ужасъ. Кончилось это рядомъ скандаловъ, вторичнымъ изгнаніемъ изъ гимназии и, наконецъ, экзаменами, въ качествѣ экстерна. Но и до сихъ поръ я не могу понять, почему у меня отняли мое настоящее счастье. Неужели только потому, что у любимой мною дѣвушкѣ не было богатыхъ предковъ и аристократической худобы тѣла?

Университетъ я окончилъ болѣе благополучно и, вѣроятно, потому что пользовался относительной свободой.

Когда я вернулся домой, отецъ торжественно заявилъ, что уже нашелъ для меня прекрасное и видное мѣсто.

Увы, я не поблагодарила его и попросилъ отсрочки, чтобы отправиться въ Грецию на одинъ изъ его торговыхъ пароходовъ.

Когда пароходъ отчаливалъ отъ моей родной земли, капитанъ Фоттани, мой добрый знакомый, вдругъ перекрестился. Я заинтересовался этимъ. Онъ объяснилъ:

— Когда уходишь благополучно и съ ясной головой изъ этого нелѣгаго города, необходимо благодарить Бога.

Я согласился съ нимъ и тоже перекрестился.

Аѳини мнѣ очень понравились, но уже черезъ мѣсяцъ я очутился въ Парижѣ, что поразило всѣхъ, кромеъ меня. Въ теченіе цѣлаго года меня старались извлечь изъ прекрасной Франции, наконецъ, извлекли. Стоило это моему отцу не менѣе пятнадцати тысячъ рублей. Впрочемъ, увѣление Парижемъ мнѣ скоро простили. Что ни говорите, а это все таки признакъ хорошаго тона.

II.

Изъ всѣхъ своихъ злоключеній я всегда возрождался, какъ фениксъ изъ огня. Но теперь мнѣ остается разскать о центральномъ случаѣ моей жизни. Онъ представляется мнѣ особенно удачнымъ.

Мнѣ надоѣло, наконецъ, видѣть пренебрежительно-снисходительное отношение къ себѣ нашего общества, слышать отъ отца неизмѣнную фразу:

— Ты отравляешь мнѣ жизнь. Я лишилъ тебя наслѣдства.

Однажды утромъ я впервые, кажется, одѣлся comme il faut, побрился, даже почистилъ ногти и отправился къ отцу. Я объяснилъ ему мое новое настроеніе и спросилъ:

— Какъ я долженъ поступить, чтобы больше не отравлять вашу жизнь? Старикъ категорически заявилъ, что я долженъ жениться.

Н. В. Анненков,
† 26 июля.

Раймонъ Паункарз.

глава французского министерства, прѣѣхавшій въ Петербургъ и имѣвшій свиданіе съ министромъ иностраннѣхъ дѣлъ С. Д. Сазоновымъ. Прѣѣхавши въ Россію, находящуюся въ союзѣ съ Францией, имѣть, несомнѣнно, крупное значеніе въ виду осложнившагося обще-политического кризиса въ Европѣ.

— Подумаю, сказалъ я.
— Нѣтъ, ужъ я подумаю, сказалъ онъ.

— Но почему же вы подумаете? вразумилъ я. Это меня больше касается.

— Да потому, пояснилъ онъ, что твой вкусъ мнѣ уже извѣстенъ, и я хочу оградить себя отъ дальнѣйшихъ сюрпризовъ.

— Я васъ понимаю. Дѣлайте, какъ знаете, но повѣрьте, что и ваши сюрпризы мнѣ надоѣли.

Ровно черезъ двѣ недѣли отецъ сказалъ мнѣ:

— Завтра мы обѣдаемъ у Неропонто; приготовься.

— Очень радъ. Тамъ я, конечно, познакомлюсь съ нею.

На послѣднемъ словѣ я сдѣлалъ удареніе.

— Да, съ нею, подтвердилъ онъ.
— Она, конечно, высокая и тощая?
— Не тощая, а изящная.

— У нея дѣтинные пальцы, блѣдное лицо и говорить она въ носъ?
— Это прекрасная дѣвушка.

— Конечно, богата, никогда въ жизни не ёла рыбу съ ножа и лѣтъ проводитъ съ матерью въ Кисловодскѣ или въ Ятѣ.

Отецъ передернулъ плечами, что свидѣтельствовало у него о сильномъ раздраженіи.

Я разсмѣялся и вышелъ.
— Итакъ, изъ меня, пожалуй, сдѣлай человѣка!

Я легъ у себя въ комнатѣ на диванъ, задралъ ноги на его спинку и воскликнулъ:

— Чортъ возьми! Если въ благородной семье Курчицкихъ могъ родиться такой уродъ, какъ я, то почему бы не могъ родиться уродъ и въ знатной семье Неропонто?! Поэтому весьма возможно, что дочь г-на Неропонто совсѣмъ интересная и бойкая дѣвушка.

All right! Пожалуй, она даже эксцентрична, и родители спѣшатъ отъ нея избавиться. Иначе, какъ же дуракъ принялъ бы меня въ свой домъ въ качествѣ жениха?

Мое размышленіе нѣсколько успокоило меня, но, все-таки, съ чувствомъ скорби я вспомнилъ хорошенѣкую, бойкую и полную дѣвушку, дочь маленькаго чиновника, которую я охотно предпочелъ бы т-ре Неропонто.

III.

Угромъ, въ день обѣда, отецъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и дѣль указаниемъ относительно костюма, поведенія и т. д.

— Не забудь, что теперь булавка закалывается въ галстукъ очень низко.

— Такъ.

— Теперь предлагаю дамѣ нѣльзя руку, а правую. Эта мода пришла къ намъ изъ Германии.

— Такъ точно, какъ изъ Мессины къ намъ приходять апельсины.

— Пожалуйста, безъ шутокъ и запомни все, что я тебѣ говорю. Обѣденный столъ теперь принято украшать различными бездѣлушкиами, саксами, статуэтками, группами, серебромъ. Будь остороженъ и не жестикулируй при разговорѣ, какъ ты дѣлаешь обыкновенно.

— Хорошо. Слушаю.

— Еще одна подробность. У Неропонто заведена милая, галантная церемонія: каждому являющемуся мужчинѣ лакей подаетъ на серебряномъ подносѣ карточку хозяина, где названа дама, которую гость долженъ вести къ столу.

— Но это будетъ т-ре Неропонто?

— Да, но порядокъ прежде всего. Не забудь еще что когда идутъ обѣдать, то впередъ пропускаютъ хозяина, а когда возвращаются, то впереди хозяина, а хозяинъ заключаетъ шествие.

Я почувствовалъ, что у меня начинаетъ кружиться голова.

Черезъ два часа отправились на этотъ обѣдъ. Описывать его подробно не могу. Меня душить смѣхъ отъ одного воспоминанія. Конечно, мнѣ поднесли карточку, где было такъ изящно выведено: „Marguerite Negro-

porto“; конечно, хозяинъ и хозяйка были важны, размѣренны и впечатлительны. Они напомнили мнѣ восточныхъ идолы, надъ которыми я такъ хотѣлъ въ Луврѣ. Но сама Маргарита, боже мой! Худая, длинная особа, съ лошадинымъ вытянутымъ физиономіей, тонкими анемическими губами, изъ которыхъ сверкали золотыя пломбы, и маленькими сѣрыми глазами, не красивыми, но надменными. На ней было очень изящное платье, но оноказалось надѣтымъ на уродливый манекенъ; она благоухала прекрасными духами, но это напоминало благоуханіе цветовъ, которыми украшаются трупы. И при всемъ этомъ тощая, колючая ручка, высокомѣрный подъемъ головы къ потолку и выдержанная важность каждого движенья и слова!

И эту дѣвушку желали увидѣть моей женой?

Нѣтъ, я долженъ спасти себя и спасти немедленно!

Столь былъ, дѣйствительно, сервированъ съ необычайной пышностью. Я сразу выработаю планъ дѣйствій и для начала разбилъ статуэтку Леды съ лебедемъ изъ масла, затѣмъ я умышленно тыкаль вилкой въ стеклянаго рака, прикрывавшаго собой какой то соусъ, и, наконецъ, когда Маргарита отказалась отъ вина, я воскликнулъ:

— Чортъ возьми! Въ вашемъ возрастѣ это преступленіе.

Дѣвушка покраснѣла, а двадцать пять ртовъ перестали жевать и повернулись въ мою сторону вмѣстѣ съ своими головами. Однако, я не сумелъ, хотя зналъ, что могъ услышать двадцать порицаній.

Постъ обѣда я сдѣлался еще болѣе рѣшительнымъ, такъ какъ пилъ много вина, несмотря на то, что мой отецъ смотрѣлъ на меня съ ужасомъ.

Я провелъ Маргариту въ гостиную и по пути замѣтилъ, что дѣвушка сутулая и вся колеблющаяся и вялая, точно изъ нея при рождѣніи выдернули позонокъ и реоръ.

Мы сѣли на диванчикъ, причемъ Маргарита Неропонто обнаружила свою белую туфлю и ровно полтора вершка сиреневаго чулка. Думаю, что все это предусмотрѣно въ какой-нибудь книжѣ.

— Простите, но ваши слова напомнили мнѣ образцы для переводовъ съ французского на русский — „Время лучшій учитель людей“; „Если въ залѣ горитъ каминъ, то не слѣдуетъ садиться на его рѣшетку“.

ЧАСТЬ 100-Лѣтнію Отечественной войны.

Мэя собесѣдница поблѣднѣла и съ усилиемъ произнесла:

— Вы острѣумны. Но разрѣшите мое сомнѣніе — будеть у насъ яхт-клубъ или нѣтъ?

— Думаю, что будетъ, такъ какъ наши города изобилуютъ неврастениками, которымъ было бы полезно заняться спортомъ. Ничего лучшаго не выдумаешь для этихъ идиотовъ.

Дѣвушка вздрогнула и вторично постаралась перевести разговоръ.

— Очевидно, вы не любитель спорта. Ваша пара говорилъ, что вы изучали въ Парижъ искусство, что для васъ искусство...

— Простите, онъ немнога преувеличилъ. Я больше интересовался живыми остроумными француженками, чѣмъ мраморными статуями.

Разговоръ нашъ скоро погласъ, и длина физиономія моей сосѣдки стала багровой. Но въ это время наступилъ послѣдній актъ моихъ страданій. Намъ подали кофе, и я расплескаль мою чашечку прямо на платье Маргариты.

Не помню хорошошенько, что было дальше; знаю только, что дѣвушка куда-то исчезла, а передо мной появилась негодующая физиономія отца.

Дома онъ сказалъ мнѣ:

— Ты просто негодяй. Дѣлай, что хочешь. Изъ тебя все равно ничего хорошаго не выйдетъ.

Я впервые посмотрѣлъ на отца съ благодарностью.

— Жаль только, сказалъ я, что вы такъ поздно обѣ этомъ догадались.

Черезъ мѣсяцъ я съ восхищеніемъ покидалъ нашъ нелѣпый городъ и отправлялся въ Петербургъ.

Сидя въ вагонѣ, я думалъ:

— Самое большое несчастье для человѣка это неудачно выбрать себѣ родителей...

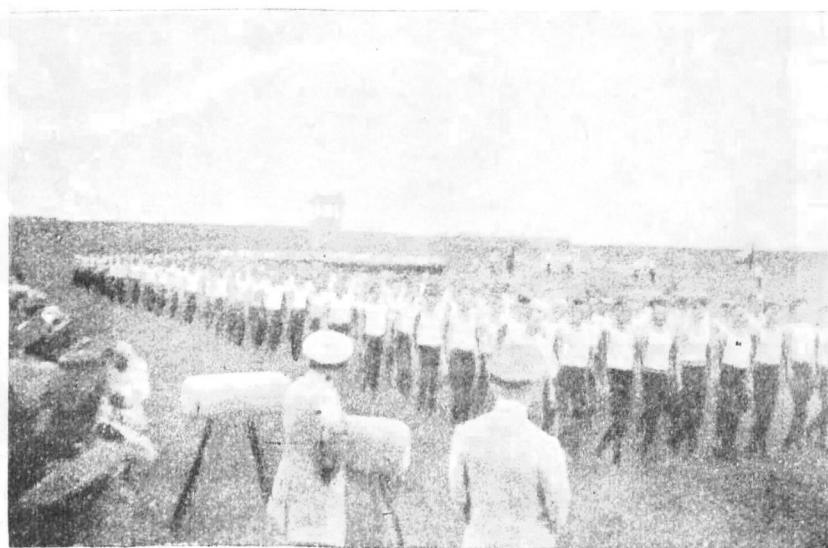
Ал. Станкевичъ.

СМѢСЬ.

Изъ жизни Каринъ Михаэлисъ.

Извѣстная датская писательница Каринъ Михаэлисъ, авторъ „Опаснаго возраста“ и мать взрослого сына, также писателя, на-дняхъ выходитъ замужъ за секретаря американского посольства въ Копенгагенѣ, дра Чарльза Штрангеланда, изъ Нью Йорка. Но медовый мѣсяцъ новобрачныхъ будетъ не долгимъ. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы молодой вынужденъ будетъ отправиться въ Боливію, также въ качествѣ секретаря посольства. Каринъ же Михаэлисъ врачи категорически запретили слѣдовать за мужемъ,

Репетиція харьковскихъ „Соколовъ“ передъ отъездомъ въ Петербургъ на Высочайшій смотръ.

Снимокъ фот. „Южного Края“.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

такъ какъ климатъ Боливіи вреденъ для ея здоровья.

На своихъ публичныхъ лекціяхъ писательница произвела сенсацію заявлениемъ, что женщина будущаго будетъ относиться къ браку совсѣмъ иначе, чѣмъ нынѣшнія женщины, и, прежде всего, будетъ сама выбирать себѣ мужа и дѣлать ему предложеніе, не дожидаясь, пока онъ удостоить ее этой чести. И совсѣмъ не будетъ находить этого „стыднѣмъ“ и „неженственнымъ“, ибо эта „стыдливость“ — варварскій пережитокъ давнихъ временъ, являющійся причиной многихъ физическихъ и духовныхъ страданій современной женщины.

Изъ жизни императора Мутсухито.

Императоръ Мутсухито въ частномъ своемъ быту являлъ рѣдкій примѣръ самоотреченія. Онъ никогда не бралъ въ ротъ ни капли хмельного, но узнавъ, что князь Ито любить шампанское, онъ вмѣстѣ съ нимъ пилъ вино, превозмогая свое брезгливое отвращеніе къ вину. Въ молодости онъ любилъ скакать на бѣшеныхъ лошадяхъ. Но его приближенные поставили ему на видъ, что онъ не имѣетъ права рисковать своей драгоценной жизнью, и императоръ вынужденъ былъ отказаться отъ любимаго развлечения. Онъ всегда пользовался цвѣтущимъ здоровьемъ, но былъ обязанъ ежедневно принимать своихъ придворныхъ врачей, осматривавшихъ его съ величайшей добросовѣстностью. Когда же онъ занемогъ, онъ послалъ къ иностраннымъ врачамъ адъютанта съ просьбой извинить его, что онъ не можетъ ихъ принять по причинѣ сильнаго нездоровья. Большихъ усилий стоило семьѣ императора уговорить его принять врачей. Императоръ смотрѣлъ на себя, какъ на первого слугу имперіи, обремененнаго великой ответственностью и вѣчно бодрствующаго на стражѣ народныхъ интересовъ. Онъ никогда не думалъ о личномъ счастьѣ.

